

ТРУБУ И САКСОФОН ЗАТЫКАЛИ ТЯПОЧКАМИ

**Народный артист
Герман Орлов
давал концерты
в нескольких метрах
от немецких позиций**

ГЕРМАН Орлов в 50 - 60-е годы был популярен в Советском Союзе, наверное, не меньше, чем в наши дни Филипп Киркоров. Он и сейчас выходит на сцену в сборных концертах, и зал всегда приветствует его стоя. Коронный номер теперешних выступлений Германа Орлова - песня «Вспомним молодость». Артист поет проникновенно, глаза его влажнеют, и в зале люди старшего поколения смахивают слезы.

МОЛОДОСТЬ Германа Орлова пришлось на «сороковые роковые». Тогда он служил в Театре Краснознаменного Балтийского флота.

«Сестричка, в чем дело?»

- Самой дорогой своей наградой - при моем-то «иконостасе»! - я считаю медаль «За боевые заслуги». Но, чтобы вы не подумали, что я один такой боевой, скажу: не было у нас в Театре КБФ артиста, не награжденного этой медалью. Очень часто приходилось выступать с концертами на передовой. «Понимаем, - говорят нам на Ораниенбаумском плацдарме, - что без аккомпаниаторов не обойтись. Но ведь буквально в нескольких метрах отсюда немцы. Нельзя ли сделать так, чтобы музыканты играли потише?» Как это, «играть потише»? Пришлось трубу и саксофон затыкать тряпочками.

Рисковали мы и когда добирались до Шлиссельбургской крепости. По условному сигналу фонариком за нами выслали лодки. Они причалили к берегу Невы ближе к Ладожскому озеру с расчетом, что течение будет сносить нас в сторону крепости, но так, чтобы не снесло к немцам. Чтобы весла не скрипели, уключины обмотали материей. В крепости Орешек пробыли мы два дня. В первый день дали два концерта

и во второй - два. При свете свечей из гильз от снарядов. Зрительным залом служила какая-то катакомба. Ночью пришли - ночью ушли. Туда добрались благополучно. А на обратном пути немцы нас обнаружили. Но случилось это, слава богу, когда лодки уже подходили к берегу. Укрылись в лесу. И тут выясняется: нет одного музыканта! Фамилию называть не буду. Комиссар Тепельбаум командует: «Матрос Орлов! Разыскать!» Я побежал в обратную сторону. А он, гад, испугался, в воронку спрятался и сидит дожидается неизвестно чего. Можно догадаться, какие слова он от меня услышал, когда я его вытаскивал из воронки.

Поездка в район Калище 9 ноября закончилась для меня не

очень хорошо. Обстрел. Машину опрокинуло. Поскольку зима, снег, никто по большому счету не пострадал. А меня осколком ранило в правую ногу. Не помню, сколько я провалялся в госпитале, но знаю, что именно там почувствовал: началась блокада. Поначалу кормежка была нормальной. И вдруг в какой-то день на завтрак перед нами кладут по два куска хлеба. «Сестричка! В чем дело?» - «С сегодняшнего дня введена норма». - «Какая норма?! Ты что!» Мы не представляли себе, что впереди блокада с ее 125 граммами. Придет время, и я пойму, какое это было счастье - два куска хлеба на завтрак, два куска на обед.

Отец подкармливал

- Даже в самые трудные блокадные дни не все ленинградцы получали по 125 граммов хлеба. Рабочие карточки отоваривались 250 граммами. Норма военных - еще на 50 граммов больше. Плавсостав получал 500. Мой отец числился в плавсоставе. В самые трудные дни блокады он подкармливал меня. Его подводная лодка стояла законсервированная напротив Летнего сада, а команда жила неподалеку, на плавбазе «Иртыш». Отец - врач, а врачу полагалось снимать «пробу». Приходит он на камбуз, а к нему: «Товарищ доктор, вот вам

проба!» Отец пробовал, что кок приготовил, и говорил: «А обед, пожалуйста, ко мне в каюту». А в каюте сидел я! Но такое бывало крайне редко.

Голые акробаты на 20-градусном морозе

- Мы часто с концертами ездили в Кронштадт. А однажды из Лисьего Носа пошли по льду в Кронштадт пешком и, заблудившись, чуть было не попали к немцам. В другой раз давали концерт на Толбухином маяке всего для 6 человек. На маяк вместе с нами направлялся матрос с почтой - с мешком газет и писем. На заливе дул сильный ветер, а этот проклятый мешок развязался, и почту унесло к финнам!

Хорошо помню концерт под Гостилицами! Мороз стоял жуткий, градусов 20. Переодевались в заброшенном сарае. Перед входом в сарай притоптали снег - сцена готова! Зрители в полушубках, кто на бревнышке сидит, кто прямо на снегу лежит. Желая показать, что, как в песне поется, «ни мороз нам не страшен, ни жара», два моих друга - Вася Карелин и Ваня Минаев, выступавшие с великолепнейшим акробатическим этюдом, - разделились в сарае по пояс и отработали номер, который длился минут пять!

Военный кинохит

- Забавная история у меня связана с островом Лавансаари, где базировались наши торпедные катера. Был на этом острове один-единственный фильм, еще довоенная картина «Дочь моряка». Я уже не помню, кто там кого играл, но герой - любвеобильный командир транспортного судна. Он все время говорил: «Я романтик моря» и этим обольщал молоденьких девушек.

Посмотрели мы один раз «Дочь моряка», второй раз посмотрели, третий. Ну сколько можно! Тогда нашелся один остроумный человек, он предложил: «Давайте посмотрим с конца и до начала!» Начали смотреть фильм задом наперед. Смешно! Но - сколько можно! Тогда этот же остроумец предлагает: «Давайте части перепутаем!» Перепутали части. После первой шла третья, потом - шестая ну и так далее. Целый месяц мы там были и целый месяц смотрели фильм «Дочь моряка». Но самое смешное произошло, когда мы вернулись в Ленинград. Идем с Юрой Шахновым - был такой прекрасный музыкант - по мосту Лейтенанта Шмидта в сторону площади Труда, где находилась наша команда. В ту же сторону идет девушка-краснофлотец, в полной форме, в беретике. Мешок какой-то тащит. Как два интеллигентных молодых человека мы с Юрой подкатили к ней: «Мы можем вам помочь!» Передала она нам мешок, он оказался довольно увесистым. Разговорились. Спрашиваем: «Где вы служите?» - «В Балтийском флотском экипаже». «Кем?» - «Кинемехаником. В мешке коробки с фильмом». «А что за фильм, можно полюбопытствовать?» - «Дочь моряка». Мы расхохотались и даже мешок уронили. Девушка понять не может, в чем дело. Когда немножко успокоились, объяснили, и она хохотала вместе с нами.

«Бедненькие вы мои, немцы!..»

- Это мое воспоминание мимолетное, но и настолько сильное - словно укол иголкой в память. Дело было вскоре после войны, наверное, году в 46-м, где-то на Васильевском острове. Вели колонну пленных немцев. В Ленинграде уже стало с питанием полегче, а пленных кормили - сами понимаете как. И вот старушка какая-то набросилась на них со словами: «Ироды! Такие-сякие!..» А потом вдруг запричитала: «Бедненькие вы мои, нате хлеба, поешьте!..» Вот до чего отходчиво сердце русского человека!..

Владимир ЖЕЛТОВ
Фото автора

После войны этот морячок стал знаменитым певцом